

Джон Эллиот

ИСПАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО
ДИНАСТИИ ГАБСБУРГОВ

1500—1700

Джон Эллиот

**Испанская империя. Мировое
господство династии
Габсбургов. 1500–1700 гг.**

«Центрполиграф»

1960

УДК 94(460).021
ББК 63.3(4Исп)

Эллиот Д.

Испанская империя. Мировое господство династии Габсбургов.
1500–1700 гг. / Д. Эллиот — «Центрполиграф», 1960

ISBN 978-5-9524-5673-0

В эпоху правления Габсбургов Испания превратилась в процветающее и наиболее влиятельное государство Европы, создавшее превосходно отлаженную систему управления обширными заморскими территориями и подарившее миру богатую самобытную культуру. Профессор Джон Эллиот в своем исследовании прослеживает имперский период истории Испании от ее возвышения при Фердинанде и Изабелле до правления Филиппа V и отвечает на вопрос, что пробудило могучую энергию, породившую новую цивилизацию в Новом Свете и изменившую соотношение сил в Европе. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(460).021

ББК 63.3(4Исп)

ISBN 978-5-9524-5673-0

© Эллиот Д., 1960

© Центрполиграф, 1960

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Объединение корон	8
Истоки объединения	8
Две короны	12
Упадок Арагонской короны	19
Неравные партнеры	23
Глава 2. Отвоевание и завоевание	25
Реконкиста завершена	26
Наступление на Африку	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джон Эллиот
Испанская империя. Мировое господство
династии Габсбургов. 1500–1700 гг.

© Перевод, «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Пролог

Полуостров, отделенный от Европы грядой Пиренейских гор, обособленный и далекий. Сухая пустынная бедная земля: 10 процентов – голые камни, 35 процентов – обедненные неплодородные почвы, 45 процентов – земли со средней урожайностью, 10 процентов – урожайные земли. Страна, разделенная изнутри высоким центральным плато, протянувшимся от Пиренеев до южного побережья. Ни естественного природного центра, ни простых удобных маршрутов. Непохожие друг на друга территории, совокупность разных народов, языков и культур – такой была и остается Испания.

Отсутствие природных достоинств, казалось бы, неоспоримое. И все же в последние годы XV – начале XVI века все изменилось внезапным и даже магическим способом. Испания, которая так долго считалась не более чем географическим названием, превратилась в исторический факт, и современники прекрасно осознали эту перемену. Макиавелли писал: «Теперь у нас есть Фердинанд, король Арагона и нынешний король Испании, которого, вероятно, не без основания можно назвать выдающимся правителем, поскольку из мелкого слабого царька он превратился в величайшего монарха во всем христианском мире». Дипломаты Фердинанда пользовались уважением, его армии внушали страх. А в Новом Свете конкистадоры создавали империю, которая не могла глубочайшим образом не изменить соотношение сил в Старом Свете. Через несколько десятилетий Испании суждено было превратиться в величайшую державу мира. За эти десятилетия ей предстояло стать хозяйкой Европы, колонизовать огромные заморские территории, создать систему власти для управления самой большой разбросанной по всему миру империей из всех существовавших на земле и породить совершенно особую цивилизацию, которая внесла уникальный вклад в культурную традицию Европы.

Понять, как все это произошло за такой короткий срок, стало непростой задачей нескольких поколений ученых, поскольку предстояло ответить на один из самых трудных комплексных вопросов истории: что может внезапно сделать общество таким динамичным, пробудить его энергию и наполнить этой энергией все аспекты жизни? Это, в свою очередь, предполагает следующий, не менее важный для Испании вопрос: как и почему то же самое общество утратило свое величие и творческий динамизм практически за столь же короткий срок, за какой ее и обрело? Действительно ли оказалось потеряно нечто жизненно важное, или сами первоначальные достижения были не более чем *engaño* – иллюзией, как стали считать испанцы XVII века?

Это парадоксы, ставившие в тупик предков, по сей день продолжают ставить в тупик потомков. Ни одна книга по истории Испании XVI–XVII веков – тем более такая небольшая, как эта, – не может надеяться разрешить их. Кроме того, если не считать одной-двух достаточно специальных областей, изучение испанской истории на несколько десятилетий отстает от изучения прошлого таких стран, как Англия и Франция, и подробные монографии по истории Испании Габсбургов, которые стояли бы на прочной научной основе, еще не написаны. Это означает, что перед любым исследователем этого периода встает выбор: либо писать повествовательное сочинение, склоняющееся к традиции политико-дипломатической истории, либо создавать более содержательный труд, в который пытаться включить последние исследования социальных и экономических процессов. Я выбрал второй путь, отчасти потому, что достойные повествования уже написаны, отчасти потому, что положение дел, как мне кажется, требует написания общего обзора, готового поднять некоторые вопросы, представляющиеся важными в свете интересов современной исторической науки. Как следствие, я не стал уделять много внимания внешней политике Испании, предпочитая обратить его на менее известные аспекты ее истории того времени. Кроме того, я очень мало говорю об интеллектуальных и культурных достижениях не потому, что считаю их не важными, а потому, что для подобающего освещения

они требуют гораздо большего объема, чем я готов им предоставить, и который предоставлен им в других трудах. Все, что я пытался сделать в этой книге, – это написать историю Испании Габсбургов таким образом, чтобы сосредоточить внимание на определенных вопросах, представляющихся мне интересными и важными, и в то же время указать, как много еще нужно сделать, прежде чем мы сможем уверенно заявить, что нашли все ответы.

Глава 1. Объединение корон

Истоки объединения

Утром 19 октября 1469 года в одном из частных домов Вальядолида сочетались браком король Сицилии и наследник арагонского трона Фердинанд и наследница трона Кастилии Изабелла. События, предшествовавшие этой свадьбе, были, по меньшей мере, необычными. Восемнадцатилетняя принцесса, которой угрожал арестом ее родной брат Энрике IV Кастильский, была тайно вывезена из своего дома в Мадригале архиепископом Толедо и переправлена в Вальядолид, где в окружении своих сторонников она могла чувствовать себя в безопасности. Жених, годом младше ее, прибыл в Вальядолид всего за несколько дней до церемонии, проделав не менее захватывающее путешествие. В сопровождении горстки слуг, переодетых торговцами, он выехал из Сарагосы и под покровом ночи пересек враждебную страну, едва не погибнув от камня, брошенного дозорным с крепостной стены Бурго-де-Осма. Добравшись до Вальядолида, он впервые встретился со своей невестой 15 октября, за четыре дня до церемонии. Пара была настолько бедна, что ей пришлось брать в долг, чтобы оплатить свадебные расходы. Кроме того, поскольку молодые находились в достаточно близкой степени родства, запрещавшей брак, им потребовалось папское разрешение, которое вскоре удалось получить. Правда, позднее выяснилось, что документ был подделкой, состряпанной королем Арагона, епископом Толедо и самим Фердинандом.

Однако существовали определенные причины, оправдывавшие как этот обман, так и секретность всего предприятия. Слишком многие стремились воспрепятствовать этой свадьбе. Среди них Людовик XI Французский, видевший в объединении царствующих домов Кастилии и Арагона серьезную угрозу своей стране. Были враги и куда ближе. Многие могущественные кастильские гранды яростно противились брачному союзу, обещавшему укрепить королевскую власть в Кастилии. Надеясь низложить Изабеллу, они сплотились вокруг мнимой дочери Энрике IV Хуаны Бельтранехи, чьи притязания на трон незадолго до этого были отвергнуты в пользу его сестры Изабеллы. Несмотря на то что в сентябре 1468 года партия Изабеллы ценой мира вынудила Энрике признать ее своей наследницей вместо дочери, происхождение которой повсеместно ставилось под сомнение, он был человеком ненадежным, подверженным частым сменам настроения и способным отказаться от своего слова, тем более что на него оказывалось сильное давление. Принц и принцесса оказались достаточно мудрыми, чтобы воспользоваться первой же представившейся возможностью официально закрепить союз, который заметно упрочивал позицию Изабеллы в Кастилии.

Ни Фердинанд, ни Изабелла не были натурами опрометчивыми, и их брак стал результатом непростых решений, отчасти принятых за них, но с которыми они, в конце концов, согласились. В этом браке неизбежно присутствовала династическая логика, происходящая из времен намного более ранних, чем их появление на свет. Испания XV века была разделена на три христианских королевства: Кастилия, Португалия и Арагон. Великая средневековая династия арагонских королей прервалась в 1410 году со смертью Мартина I, и в 1412 году вопрос арагонского престолонаследия был решен с помощью «Компромисса в Каспе», отдавшего трон Арагона младшей ветви кастильской династии Трастамара. Таким образом, с момента воцарения Фердинанда I Антекера в 1412 году соседними королевствами Кастилией и Арагоном управляли представители ветвей одной и той же кастильской династии. Так почему бы этому браку по расчету в один прекрасный день не объединить эти ветви и не привести под власть одного монарха две из трех христианских частей Иберийского полуострова?

ресурсов для противостояния этим угрозам, он мог надеяться только на помощь Кастилии и самым надежным способом обеспечить ее был брачный союз. Следовательно, именно международная ситуация – окончание Столетней войны и последующее возобновление давления Франции на Пиренеи – сделала союз с Кастилией для арагонского короля и желанным, и необходимым, и реализация этого союза стала главной задачей дипломатии Хуана II.

Решающим периодом, который должен был определить будущее полуострова, стали месяцы с осени 1468 года, когда Энрике IV признал своей наследницей Изабеллу, до весны 1469 года. Признание Изабеллы сделало ее замужество вопросом международной повестки. Основных претендентов на ее руку было трое. Она могла выйти за Карла Валуа, сына Карла VII Французского, и, таким образом, вдохнуть новую жизнь в старый франко-кастильский союз. Могла – как хотел ее брат – выйти за Альфонсо V Португальского и связать судьбу Кастилии с ее западным соседом. И наконец, могла выйти за Фердинанда, сына и наследника Хуана II Арагонского, и формализовать союз Кастилии и Арагона, чего решительно добивался Хуан II. К январю 1469 года Изабелла сделала свой выбор: она выйдет за Фердинанда.

Решение Изабеллы имело исключительную важность, и очень жаль, что известно так мало о том, каким образом оно, в конце концов, было принято. На принцессу определенно оказывалось сильное давление, чтобы она выбрала своим мужем арагонца. При дворе Кастилии имелась сильная арагонская партия во главе с архиепископом Толедо. Агенты арагонского короля действовали весьма активно, подкупая кастильскую знать и побуждая ее содействовать целям их хозяина, а папского легата они склонили к тому, чтобы он использовал свое посредничество в пользу Фердинанда. Кроме того, влиятельные еврейские семьи, по-видимому, надеялись укрепить шаткое положение кастильского еврейства, способствуя браку Изабеллы с принцем, который сам считал, что его мать унаследовала частицу еврейской крови. Но Изабелла, несмотря на сильнейшее психологическое напряжение, оказалась женщиной сильной и решительной. Она сделала выбор, который и в личном, и в политическом плане казался ей наилучшим в данных обстоятельствах. Альфонсо Португальский был вдовцом и гораздо старше ее. Он не обладал ни одним из многих привлекательных свойств, повсеместно приписываемых Фердинанду. А с учетом того, что Хуан II и Фердинанд находились в положении, не позволявшем торговаться, она рассчитывала, что сможет диктовать свои условия при заключении сделки. Сама форма брачного договора, подписанного в Сервере 5 марта 1469 года, демонстрирует преобладающую силу ее позиции. Фердинанду полагалось жить в Кастилии и сражаться за дело принцессы, и это ясно указывало, что в управлении страной он будет занимать второе место. Условия были унижительными, но выигрыш казался Фердинанду таким большим, необходимым и неотложным, что об отказе не могло быть и речи.

Очень скоро мудрость выбора, сделанного Изабеллой, стала очевидной. Хитрый, решительный и энергичный Фердинанд должен был доказать свою верность продвижению интересов своей жены, а его отец Хуан II стал опорой молодой чете своим политическим опытом и прозорливостью. Изабелле, если она собиралась когда-либо преуспеть в получении своего сомнительного наследства, требовалась заручиться любой доступной помощью. Ее замужество форсировало борьбу за кастильский трон, длившуюся целых десять лет и завершившуюся открытой гражданской войной 1475–1479 годов. Весть о замужестве сестры не обрадовала брата Изабеллы Энрике IV, и Людовик XI склонил его отказаться от договоренности с Изабеллой, признав права Хуаны Бельтранехи, которую предполагалось выдать за француза. В такой деликатной ситуации потребовалась вся ловкость Фердинанда, и первые пять лет брака пришлось потратить на укрепление симпатий к Изабелле со стороны дворянства и горожан и тем временем попытаться уладить отношения с королем.

Когда 11 декабря 1474 года Энрике IV умер, Изабелла сразу же провозгласила себя королевой Кастилии. Но антиарагонская партия при кастильском дворе сговорила с Альфонсо V Португальским, который теперь, после этой смерти, вычеркнувшей французского принца из

числа претендентов на руку Хуаны Бельтранехи, видел в ней невесту для себя. В конце мая 1475 года Хуана под давлением своих сторонников потребовала себе трон. Португальские войска перешли границу Кастилии, и по всей стране вспыхнули мятежи против Изабеллы и Фердинанда. Последовавшая за этим борьба за престолонаследие стала настоящей гражданской войной, в которой Хуана получила поддержку нескольких городов Старой Кастилии, большинства городов Андалусии и Новой Кастилии и могла обратиться за помощью к португальским войскам. Поскольку, в конце концов, Изабелла одержала победу, историю этого периода писали ее приверженцы, следовавшие официальной версии, утверждавшей, что на самом деле Хуана не была дочерью импотента Энрике IV. Ее презрительно именовали народным прозвищем Бельтранеха, по имени предполагаемого отца Бельтрана де ла Куэва. Тем не менее не исключена вероятность, что она действительно была дочерью короля, и если так, то Изабелла одержала победу вопреки закону.

Однако война была большим, чем просто соперничество двух претенденток на кастильский престол, законность прав которых ставилась под сомнение. Ее исходу предстояло определить будущую политическую ориентацию Испании. Если бы победила Хуана, судьба Кастилии оказалась бы связанной с Португалией, и ее интересы, соответственно, переместились бы к атлантическому побережью. В случае победы Фердинанда и Изабеллы Испания представляла бы собой Кастилию и Арагон, и Кастилия оказалась бы неразрывно связанной со средиземноморскими интересами арагонца.

В течение открытой фазы войны, когда все еще висело на волоске, участие Фердинанда имело жизненно важное значение. Именно он взял на себя руководство партией Изабеллы и спланировал кампанию по восстановлению порядка и единства в Кастилии. Военные советники Фердинанда, привезенные из Арагона, обучали войска Изабеллы новым приемам ведения войны. Сам Фердинанд оказался искусным переговорщиком, способным договариваться с вельможами и городами о поддержке Изабеллы. Он уже заручился помощью трех самых могущественных семей на севере Кастилии – Энрикес, Мендоса и Альварес де Толедо (герцоги Альба), – с которыми состоял в родстве, а его личная энергия и изобретательность, похоже, обещали порядок и перемены к лучшему всем кастильцам, уставшим от гражданской войны. Все это постепенно обеспечило Изабелле преимущество, что она с благодарностью признавала. Кроме того, в ее пользу сыграла некомпетентность Альфонсо Португальского, чей престиж оказался сильно подмочен поражением в битве при Торо в 1476 году. Но дело продвигалось медленно, и только в 1479 году Кастилия, наконец, перешла под контроль Изабеллы. Ее триумф сопровождался заключением соперницы в монастырь. В начале того же года скончался Хуан II Арагонский. Теперь в Кастилии наступил мир, а Фердинанд унаследовал владения своего отца, и супруги стали суверенами одновременно и Кастилии, и Арагона. Испания, представлявшая собой Кастилию и Арагон, а не Кастилию и Португалию, стала свершившимся фактом.

Две короны

Династические амбиции и многолетние дипломатические интриги в конце концов реализовались в союзе двух из пяти основных частей Испании позднего Средневековья: Кастилии, Арагона, Португалии, Наварры и Гранады. Сам союз был чисто династическим – союзом не двух людей, а двух королевских домов. Если не считать того, что с этих пор Кастилия и Арагон имели общих монархов, теоретически не произошло никаких изменений ни в их статусе, ни в форме правления. Правда, в лице Фердинанда их внешняя политика, вероятнее всего, обрела единую линию, но в остальных аспектах каждый из монархов продолжал вести ту же жизнь, что и до объединения. Единственная разница заключалась в том, что теперь они стали не соперниками, а партнерами. Как писали члены городского совета Барселоны своим коллегам из Севильи: «Теперь... все мы братья».

Таким образом, уния двух корон рассматривалась как союз равных, каждый из которых сохранял свои институты и свой образ жизни. Однако под простой формулой свободной конфедерации лежали социальные, политические и экономические реалии, способные расстроить союз и направить историю народов по путям, совершенно отличным от тех, к которым склонялись их правители. В действительности Кастилия и Арагонская корона были странами с совершенно разной историей и характером и находились на совершенно разных стадиях исторического развития. Таким образом, их уния стала союзом разных по существу партнеров, и – что еще более важно – партнеров, заметно отличавшихся по размеру и силе.

После присоединения в 1492 году Гранады королевство Кастилия составляло около двух третей общей территории Иберийского полуострова. Его площадь превышала площадь Арагонской короны примерно в три раза, и население тоже было существенно больше. Определить численность населения сложно, поскольку цифры на конец XV века, особенно для Кастилии, далеки от достоверности. Возможно, в то время население Кастилии составляло от 5 до 6 миллионов человек, тогда как в Португалии и в Арагонской короне проживало не более одного миллиона. Некоторое представление об относительном количестве и плотности населения, относящееся, правда, скорее к концу, чем к началу XVI века, дает следующая таблица:

	Площадь, км ²	% от площади полуострова	Население, чел.	% от населения полуострова	Плотность на 1 км ²
Кастилия	378 000	65,2	8 304 000	73,2	22,0
Арагонская корона	100 000	17,2	1 358 000	12,0	13,6
Португалия	90 000	15,5	1 500 000	13,2	16,7
Наварра	12 000	12,1	185 000	1,6	15,4
В с е г о	580 000	100	11 347 000	100	19,6

Возможно, самый удивительный факт, вытекающий из этих цифр, – это превышение плотности населения в Кастилии над плотностью в Арагоне. При пугающем безлюдье сельской местности в современной Кастилии трудно себе представить время, когда она была заселена гуще, чем любая другая часть Испании. Начиная с XVIII века самые густонаселенные районы полуострова располагались на периферии, но в XV–XVI веках это было не так. В то время больше людей проживало именно в центре, а не на периферии, и такое демографическое пре-

восходство засушливых центральных районов могло стать одним из главных ключей к активной экспансии Кастилии конца Средних веков.

Однако было бы неправильно считать, что этот демографический перевес сам по себе обеспечивал ей политическое и военное превосходство, когда власти еще недоставало административных ресурсов и способов мобилизации населения для ведения войны. В Средние века Арагонская корона, несмотря на то что была меньше по площади и населению, демонстрировала несравнимо большую жизненную энергию, чем Кастилия, и победоносно следовала собственным курсом, которому предстояло существенно повлиять на будущую политическую эволюцию Испании. Истоки независимой истории Арагона и фундаментальные черты, которые так резко отличали его от Кастилии, следует искать в долгой борьбе средневековой Испании против ислама. Арабы вторглись на Иберийский полуостров в 711 году и за семь лет завоевали его. Историю средневековой Испании определила длительная, трудная и часто прерывавшаяся в своем продвижении реконкиста, начавшаяся с севера война христианских королевств за освобождение полуострова от неверных. Скорость и характер реконкисты сильно варьировались от одной части Испании к другой, и именно эти различия углубили и укрепили региональное разнообразие страны.

Величайшим периодом реконкисты стал XIII век, но он же был веком, когда решительно оформилось разделение христианской Испании. Если Кастилия и Леон под предводительством Фердинанда III вели наступление в направлении Андалусии, Португалия занималась отвоеванием своих южных провинций, а Каталония и Арагон, объединившиеся в 1137 году, завоевывали Валенсию и Балеарские острова. Результаты отвоевания тоже заметно отличались. В Андалусии Фердинанд III передавал большие территории вновь отвоеванных районов в руки представителей кастильской знати, помогавших ему в этом крестовом походе. Огромные размеры территории и трудности обработки больших площадей засушливой земли вынуждали его выделять для передачи военным орденам, церкви и знати большие участки. Такое деление на крупные участки имело серьезные социальные и экономические последствия. Андалусия сложилась как провинция больших латифундий, находившихся под контролем аристократов, и кастильская знать, обогатившаяся за счет этих новых источников дохода, стала достаточно сильной, чтобы оказывать почти неограниченное влияние на нацию, где буржуазные элементы, разбросанные по небольшим городам севера, были еще очень слабы. Вместе с тем в Валенсии корона могла осуществлять более тесный контроль над процессом колонизации и репопуляции. Здесь земля была поделена на участки гораздо меньшего размера, и поселенцы из Каталонии и Арагона создавали небольшие христианские общины среди арабского населения, поскольку в Валенсии, в отличие от Андалусии, большая часть мавров осталась на месте.

Начиная примерно с 1270 года реконкиста ослабела. Португалия, для которой путь на восток был заблокирован, повернула на запад к Атлантике. Кастилия, охваченная династическим кризисом и мятежами аристократов, занялась проблемами у себя дома. В то же время левантские государства закончили свою работу по отвоеванию земель. Их короли наследовали один другому, и этот процесс не прерывался. Поэтому теперь они могли свободно обратить свое внимание к Средиземному морю.

Левантские государства – Каталония, Арагон и Валенсия – объединились в то, что получило название Арагонская корона. В действительности это название вводило в заблуждение, поскольку королевство Арагон – сухая внутренняя область полуострова – было наименее важной частью федерации. Королевская династия имела каталонское происхождение, и именно Каталония с ее оживленным побережьем и энергичным населением играла доминирующую роль в заморской экспансии Арагонской короны. Успехи Каталонии были поразительны. Начиная с последних лет XIII и до конца XIV века эта страна, насчитывавшая менее полумиллиона жителей, завоевала и создала морскую империю и установила у себя дома и в

своих средиземноморских владениях политическую систему, где были удачно сбалансированы свобода и порядок.

Каталонско-арагонская империя позднего Средневековья являлась преимущественно торговой и процветала в основном благодаря торговле текстилем. Барселона – место рождения знаменитого морского кодекса *Llibre de Consolat*, регулировавшего всю средиземноморскую торговлю, стала сердцем торговой системы, достигавшей пределов самого Леванта. В XIV веке каталонцы завоевали, но потом потеряли форпост в Греции, известный как герцогство Афинское. Они стали хозяевами Сардинии и Сицилии, которые, в конце концов, в 1409 году вошли в состав Арагонской короны. Барселона держала своих консулов во всех главных портах Средиземноморья, а каталонских купцов видели в Леванте и Северной Африке, в Александрии и Брюгге. Они соперничали с коммерсантами из Венеции и Генуи за торговлю специями с Востоком, находили рынки сбыта каталонского железа и, прежде всего, каталонского текстиля в Сицилии, Африке и на самом Иберийском полуострове.

Успех каталонско-арагонской торговли обеспечивал процветание городам Арагонской короны и способствовал единению городского патрициата. На практике эти люди и являлись настоящими хозяевами страны, поскольку, если не считать горстки крупнейших магнатов, арагонская знать была мелкопоместной и не могла сравниться с владевшей огромными поместьями знатью Кастилии. Доминировавшая в экономической жизни страны буржуазия сумела выковать как с помощью сотрудничества, так и в результате конфликтов с короной государственную систему, которая правильно отражала ее идеалы и стремления. В основе этой системы лежала идея договора. Между правителем и его подданными должно было существовать взаимное доверие и согласие, основанное на признании каждой из сторон договора своих обязанностей и пределов своей власти. Только так правящая верхушка могла успешно функционировать, а свободы ее подданных были должным образом защищены.

Философия, лежавшая в Средние века в основе каталонской политики и четко сформулированная в доктрине крупнейших каталонских правоведов, таких как Франсеск Эшименис, нашла свое практическое выражение в политических институтах, созданных в каталонско-арагонской федерации в период позднего Средневековья. Из традиционных институтов, чья власть возрастала с течением времени, самым важным являлись кортесы. Каталония, Арагон и Валенсия имели каждая свои собственные кортесы, собиравшиеся порознь, хотя в отдельных случаях они могли собираться в одном городе и проводить совместные заседания в качестве *Cortes Generales* под председательством короля. У разных кортесов имелись свои отличительные особенности. Так, кортесы Арагона состояли из четырех палат, а дворянское сословие делилось надвое: *ricos-hombres* (богатые люди. – *Пер.*) и *caballeros* (кабальеро) (знатные люди, рыцари. – *Пер.*). Вместе с тем в кортесах Каталонии и Валенсии были три традиционные палаты: знать, духовенство и горожане. Последние обеспечили себе представительство в XIII веке. Арагонские кортесы были уникальны еще и тем, что, по меньшей мере, теоретически для принятия решения требовали полного единодушия в каждой палате. Сессии проводились регулярно (в Каталонии каждые три года), и по вопросам, касавшимся короля или королевства, палаты совещались раздельно, рассматривая жалобы, предлагая способы их устранения и определяя субсидии королю, но, что более важно, они обладали законодательной властью. Например, в Каталонии, где это право было завоевано в 1283 году, законы могли приниматься и отменяться только с обоюдного согласия короля и кортесов. Таким образом, в конце Средних веков кортесы представляли собой сильный и хорошо развитый институт, игравший неоспоримую роль в управлении страной.

Помимо этого, права и свободы подданных Арагонской короны были защищены другими уникальными по своему характеру институтами. В королевстве Арагон имелся институт *Justicia* (Юстиция. – *Пер.*), аналогов которого не существовало ни в одной другой стране Западной Европы. Назначаемый короной на должность *Justicia* арагонский дворянин должен

был следить за тем, чтобы на законы и земли не покушались королевские чиновники или аристократы, и защищать подданных от любого произвола. Институт *Justicia* работал далеко не идеально, и в конце XV века стал практически наследственным, оставаясь за членами семьи Лануса, имевшей тесные связи с короной. Тем не менее с течением времени *Justicia* сделался исключительно влиятельной персоной в жизни Арагона и в определенной степени символом арагонской независимости.

В Каталонии и в Валенсии не было *Justicia*, но в этих странах в конце Средних веков имелся другой институт, выполнявший похожие функции, называвшийся на каталонском языке *Generalitat*, или *Diputació*. В принципате Каталония он сформировался на основе комитетов, назначаемых кортесами для сбора субсидий, передаваемых королю, и приобрел окончательный вид и структуру во второй половине XIV века. Он стал постоянным комитетом кортесов, состоявшим из трех *Diputats* (депутатов. – *Пер.*) и трех *Oidors* (слушателей. – *Пер.*) по числу сословий, и назначался на три года. Первоначально *Diputació* занимался решением финансовых задач. Его члены контролировали всю налоговую систему принципата и отвечали за выплату королю субсидий, одобренных кортесами. Субсидии выплачивали из фондов *Generalitat*, пополнявшихся преимущественно за счет сборов от экспорта и импорта, а также налога на текстиль под названием *bolla*. Но одновременно с этими финансовыми функциями у него были и другие еще более важные. *Diputats* были сторожевыми псами свобод Каталонии. Подобно арагонскому *Justicia* они следили за тем, чтобы слишком ревностные слуги короля не нарушали законов принципата, и отвечали за принятие надлежащих мер по устранению таких нарушений. Они являлись высшими представителями каталонского народа и действовали как выразители его интересов во всех конфликтах с короной, следили за исполнением «конституции» принципата и временами были во всем, кроме названия, его правительством.

Таким образом, каталонский *Diputació* являлся чрезвычайно сильным институтом, обладавшим большими финансовыми ресурсами, и в начале XV века его очевидная привлекательность как бастиона национальной свободы побудила арагонцев и валенсийцев к созданию в своих странах аналогичных институтов. В результате к концу Средневековья все три страны были очень хорошо защищены от посягательств короны. В *Diputació* воплощалось те взаимоотношения короля с сильными свободными гражданами, которые так трогательно выразил Мартин Арагонский в каталонских кортесах в 1406 году: «Кто из народов мира пользуется такими свободами и привилегиями, как вы, и кто так великодушен, как вы?» Та же мысль более строго выражена в знаменитой арагонской клятве верности королю: «Мы, которые не хуже тебя, клянемся тебе, который не лучше нас, принять тебя нашим королем и повелителем, если ты будешь блюсти наши вольности». Обе фразы, одна эмоционально, другая юридически, предполагает чувство взаимного согласия, которое было основой каталонско-арагонской конституционной системы.

Неудивительно, что гордость средневековых каталонцев своими конституционными достижениями, естественно, побуждала их экспортировать свои институциональные формы на любые территории, которые они получали. И Сардиния (ее завоевание началось в 1323 году), и Сицилия (которая в 1282 году сама предложила корону Педро III Арагонскому) имели собственные парламенты, в значительной степени заимствованные у каталонско-арагонской модели. Как следствие, средневековая империя Арагонской короны была далека от авторитарного государства, управляемого железной рукой из Барселоны. Напротив, это была достаточно свободная федерация территорий со своими собственными законами и институтами, каждая из которых самостоятельно определяла субсидии, передаваемые королю. В этой конфедерации полуавтономных провинций роль представителя монаршей власти исполняла фигура, сыгравшая жизненно важную роль в будущей судьбе Испанской империи. Это фигура вице-короля, впервые появившаяся в каталонском герцогстве Афинском в XIV веке, когда герцог назначил своим представителем *vicarious generalis*, или *viceregens*. Вице-король – пост, полномочия дер-

жателя которой часто, но не обязательно ограничивались тремя годами, оказалась блестящим решением одной из самых сложных проблем, созданных арагонско-каталонской конституционной системой – проблемой королевского абсентеизма. Поскольку каждая часть федерации жила как независимая единица и король в заданное время мог присутствовать только в одной из них, он назначал на Майорке, в Сардинии или в Сицилии своего личного заместителя – *alter ego*, который в статусе вице-короля мог бы исполнять его приказы и председательствовать в правительстве страны. Таким способом территории федерации были связаны друг с другом и сохраняли связь с правящим домом Арагона.

Как следствие, на средневековую Арагонскую корону с ее богатым и деятельным городским патрициатом большое влияние оказывали его заморские коммерческие интересы. Она впитала в себя идеи договорных отношений между королем и его подданными, успешно реализованные в институциональной форме, и имела хороший опыт управления империей. Во всех этих аспектах она резко контрастировала со средневековой Кастилией. Если в начале XIV века Арагонская корона была космополитичной по своим взглядам и торговой по устремлениям, то современная ей Кастилия смотрела скорее внутрь себя, чем вовне, и была ориентирована больше на войну, нежели на торговлю. В основе своей Кастилия представляла собой скотоводческое кочевое общество, обычаи и поведение которого сформировались в ходе непрерывной войны – затянувшегося процесса реконкисты, завершившегося намного позднее, чем в Арагонской короне.

Реконкиста сочетала в себе множество вещей. Это был одновременно и крестовый поход против неверных, и череда военных экспедиций в поисках добычи, и процесс миграции населения. Каждый из этих трех аспектов наложил заметный отпечаток на жизнь Кастилии. Естественно, что в священной войне против ислама привилегированное положение занимало духовенство. Его задача состояла в том, чтобы пробуждать и поддерживать в народе воинственный пыл, внушая ему божественный характер миссии освобождения от мавров. В результате церковь в средневековой Кастилии обладала исключительно сильной властью. Особенно ярким воплощением пропагандируемого ею воинствующего христианства были три военных ордена: Калатрава, Алькантара и Сантьяго – крупнейшие порождения XII века, сочетавшие в себе военные и религиозные идеалы. Но в то время как идеалы крестоносцев давали кастильским воинам ощущение участия в священной миссии в качестве солдат Веры, они не могли задушить и более мирские инстинкты, вдохновлявшие самые первые походы против арабов – жажду добычи. В этих первых кампаниях кастильская знать убедилась в том, что истинной ценностью является добыча и земля. Более того, ее наибольшее восхищение вызывали такие военные достоинства, как мужество и честь. Так сформировалась концепция идеального *hidalgo* (рыцаря. – *Пер.*), как человека, живущего ради войны, способного совершить невозможное, благодаря одному лишь мужеству и постоянному усилию воли, который строит свои отношения с другими согласно строгому кодексу чести и с уважением относится к тому, кто завоевал богатство силой оружия, а не тяжелым ручным трудом. Этот идеал *hidalguia* был, по сути, аристократическим, но по стечению обстоятельств распространился на все кастильское общество, поскольку сам характер реконкисты, как миграции на юг вслед за сражающимися армиями, порождал презрение к оседлой жизни и стабильному достатку и внушал народу идеалы, схожие с идеалами аристократии.

Таким образом, реконкиста придала кастильскому обществу особый характер, в котором преобладал воинствующе религиозный и аристократический уклон. Но не менее важным и определяющим был характер экономической жизни Кастилии. На юге Испании сформировались огромные поместья и небольшое число городов, таких как Кордова и Севилья, живущих за счет доходов окружающей их сельской местности. Но прежде всего, реконкиста помогла обеспечить в Кастилии победу пастушьей экономики. В стране с такой сухой и бесплодной почвой, где часто существовала опасность грабительских набегов, разведение овец было безопасней

и выгодней, чем земледелие. А отвоевание Эстремадуры и Андалусии открывало новые возможности для миграции овцеводства из Северной Кастилии.

Важнейшим событием, изменившим перспективы кастильского овцеводства, стало появление около 1300 года в Андалусии овец-мериносов из Северной Африки. Это событие совпало, а возможно, породило резкое увеличение спроса на испанскую шерсть. Кастильская экономика XIV и XV веков постоянно адаптировалась к тому, чтобы удовлетворять этот спрос. В 1273 году кастильская корона в поисках новых доходов собрала различные объединения овцеводов в одну организацию и предоставила ей существенные привилегии в обмен на денежные взносы. Этой организации, позднее получившей название *Mesta*, доверили наблюдение и контроль над сложной системой путей, по которым проходила миграция овечьих стад по территории Испании с летних пастбищ на севере к зимним пастбищам на юге и обратно.

Стремительное развитие производства шерсти под контролем *Mesta* имело важные последствия для социальной, политической и экономической жизни Кастилии. Оно привело к возникновению более тесных контактов Кастилии с внешним миром и, в частности, с Фландрией – самым важным рынком сбыта шерсти. Торговля с севером, в свою очередь, стимулировала коммерческую активность вдоль всего кантабрийского побережья, превращая такие города Северной Кастилии, как Бургос, в крупные коммерческие центры и существенно способствуя экспансии кантабрийского флота. Но в XIV веке и в значительной части XV весь масштаб изменений кастильской жизни, вызванный европейским спросом на шерсть, оказался отчасти скрыт за более очевидными последствиями чумы и войны.

«Черная смерть» XIV века, хотя и имела для Кастилии не столь катастрофические последствия, как для Арагонской короны, вызвала как минимум временную нехватку рабочих рук. Кратковременный спад в экономике сопровождался социальными конфликтами. Аристократия уверенно брала верх в борьбе с короной. Разбогатев за счет милостей, которые они вымогали у короля, и доходов от продажи шерсти, магнаты в течение века укрепили свое экономическое и социальное положение. Этот период ознаменовался появлением таких крупнейших аристократических династий Кастилии, как Гусманы, Энрикесы и Мендоса.

К середине XV века некоторые из этих аристократических домов уже обладали огромными богатствами и престижем. Знаменитая наследница Ленор де Альбуркерке, известная как *rica hembra* (богатая женщина. – *Пер.*), могла проехать через всю Кастилию от Арагона до Португалии, не покидая пределов своих владений. Имея в своем распоряжении такие огромные ресурсы, магнаты обладали возможностями для извлечения наибольшей политической выгоды, в то время как власть короны катастрофически слабела из-за наследственных споров и младших ветвей. Ничто не могло сдерживать магнатов еще и потому, что города на севере Кастилии были недостаточно развиты и не могли противопоставить им достаточно сильную – как в Арагонской короне – буржуазию, способную составить реальный противовес амбициям аристократов.

Таким образом, политический хаос, царивший в Кастилии XIV века, заметно контрастировал с общественным порядком, гарантированным тщательно продуманной системой управления, преобладавшим в Арагонской короне. Конечно, у кастильцев, как и у арагонцев, имелся свой представительный институт – кортесы Кастилии, которые достигли вершины власти в XIV–XV веках. Но между ними и кортесами Арагонской короны существовали существенные различия, не позволившие им стать такими же эффективными, как их арагонские аналоги, и, в конце концов, фатально подорвавшие их власть. В отличие от арагонских королей, у кастильских королей не было обязательства собирать кортесы с определенной периодичностью, и никто в Кастилии – даже дворяне и священнослужители – не имел права присутствовать на этих собраниях. Несмотря на то что уже с середины XIII века существовало правило, согласно которому король Кастилии, если он желал получить дополнительную субсидию, иначе *servicio*, обязан был обратиться к кортесам, власть, которую они могли бы иметь благо-

даря этому, заметно ограничивалась правом короны использовать альтернативные источники дохода. Кроме того, она ограничивалась льготами, освобождавшими от уплаты налогов дворян и духовенство, оставляя городских представителей бороться с короной в одиночку. Но еще важнее то, что кастильским кортесам, в отличие от парламента Арагонской короны, не удалось получить законодательную власть. Теоретически при принятии законов требовалось получать согласие кортесов, но право разрабатывать законы принадлежало короне. Кортесы имели право составлять петиции, но они так никогда и не смогли превратить это право в законодательную инициативу, отчасти из-за нехватки их собственного единства, отчасти из-за их неспособности следовать правилу, чтобы рассмотрение жалоб предшествовало выделению субсидий.

Все это делало перспективы Кастилии весьма туманными, и в начале XV века, похоже, ничто не могло рассеять этот туман. Кастильские короли, с их сомнительными правами на трон, стали пешками в руках магнатов; кортесы, где отсутствовало единство, были неэффективны, правительство – неспособно; общественный порядок рухнул, и страна погрузилась в смуту. С другой стороны, в Арагонской короне проблема престолонаследия благополучно разрешилась между 1410 и 1412 годами, и второй король новой династии Альфонсо Магнанимус (1416–1458) возглавил новый этап имперской экспансии, которая дала каталонцам и арагонцам надежный плацдарм на итальянском полуострове. Будущее каталонско-арагонской федерации казалось настолько же светлым, насколько темным оно виделось для Кастилии. Но видимость оказалась обманчивой. За мрачным фасадом гражданской войны кастильское общество менялось, а экономические сдвиги, которые несло с собой развитие торговли шерстью, придавали этим переменам энергию и устойчивать. Если бы удалось установить в стране мир и обуздать аристократию, у Кастилии был бы шанс повернуть свои огромные резервы в новое, плодотворное русло. Вместе с тем в Арагонской короне видимость оказалась более обнадеживающей, чем реальность. Новые заморские завоевания XV века не являлись подтверждением благополучия в ее собственном доме. Напротив, теперь каталонско-арагонская федерация вступила в период кризиса, преодолеть который она смогла бы не скоро. И этот кризис стал залогом того, что в королевской унии Фердинанда и Изабеллы ведущую роль с самого начала взяла на себя Кастилия.

Упадок Арагонской короны

Неожиданное ослабление Арагонской короны в течение XV века стало в значительной мере результатом ослабления Каталонии. Для Валенсии этот период был своего рода золотым веком, но для Каталонии он ознаменовался чередой несчастий. Поскольку преимущественно каталонцы обеспечивали огромные достижения конфедерации в период высокого Средневековья, эти несчастия не могли не ослабить Арагонскую корону в целом, и она оказалась плохо подготовленной перед лицом многочисленных вызовов, неизбежно сопровождавших объединение двух корон.

Каталонский кризис XV века рассматривается, прежде всего, как политический кризис, вызванный передачей трона в 1412 году чужой кастильской династии. Утверждается, что новые короли не понимали стремлений и не симпатизировали политическим идеалам и институтам каталонцев. В результате XV век ознаменовался концом того тесного сотрудничества династии и народа, которое было характерной особенностью Каталонии в период ее величия. Сам факт того, что Альфонсо Магнанимус предпочитал жить в Неаполитанском королевстве, отошедшем к нему в 1443 году, говорил о разрыве между каталонцами и династией, после чего они еще сильнее почувствовали себя отверженными.

Такая традиционная интерпретация во многом достойна похвалы, поскольку в преимущественно монархических обществах королевский абсентеизм действительно порождает серьезные проблемы. Кроме того, нельзя отрицать, что имперский настрой Альфонсо V, династический по духу и милитаристский по форме, резко отличался от торгового империализма предшествующих времен и, поощряя беззаконие в Западном Средиземноморье, вступал в прямое противоречие с торговыми интересами барселонской олигархии. Политика династии и купечества больше не совпадала, и это само по себе стало трагическим отклонением от традиций прошлого.

Но основной предпосылкой для совпадения политики короля и купечества было экономическое оживление и экспансия XIII – начала XIV века. К XV веку все это осталось в прошлом. Конец экспансионистской фазы каталонской экономики неизбежно имел последствия для политической системы. Таким образом, политический кризис XV века в Каталонии следует рассматривать – как это делают современные историки – в более широком контексте экономической рецессии и социальных волнений позднего Средневековья.

Кризис в Каталонии разразился на фоне не знавшей пощады повторяющейся чумы. Голодный 1333 год стал первым «плохим годом», но чума впервые опустошила принципат между 1347 и 1351 годами. За эти годы «черная смерть» унесла значительную часть населения, и без того доведенного до края из-за имперских авантур недавнего прошлого. Если для Кастилии ее нашествие было страшным, но коротким, то для Каталонии оно стало началом долгой череды страшных напастей. Несмотря на то что первые потери удалось компенсировать с поразительной скоростью, после дующие волны эпидемии – 1362–1363, 1371, 1396–1397 и за тем периодически на протяжении всего XV века – раз за разом подрывали жизненные силы страны. Население, составлявшее в 1365 году 430 000, к 1378 году уменьшилось до 350 000, а к 1497 году до 278 000, и восстановить его численность до значений, предшествовавших «черной смерти», удалось только во второй половине XVI века. Неудивительно, что такая огромная убыль населения, более страшная, чем в Валенсии или в Арагоне, расстроила экономическую жизнь принципата и резко повлияла на его способность приспосабливаться к новым экономическим условиям пострадавшего от чумы мира.

Первым и самым очевидным последствием чумы стал кризис в сельской местности. Рук не хватало, хозяйства были заброшены. Начиная примерно с 1380 года стали возникать столкновения крестьян с землевладельцами, которые, как и все другие лендлорды Европы в конце

XIV века, были решительно настроены воспользоваться своими правами над вассалами в полной мере, поскольку феодальные сборы падали, а стоимость рабочей силы быстро возрастала. На протяжении XV века крестьянские волнения сделались повсеместными. Вооруженные бунты, убийства и поджоги – все это использовалось классом, исполненным решимости освободиться от узаконенного рабства, которое воспринималось особенно горьким теперь, когда людей не хватало, и выжившие могли надеяться на экономический выигрыш. Этот класс, носивший в Каталонии название крестьян *геменса* – крестьян, закрепленных за землей, – составлял почти треть населения принципата, но, безусловно, не был однородным классом. Некоторые из крестьян *геменса* были достаточно богатыми, другие отчаянно бедными, и, в конечном итоге, интересы этих двух групп не совпадали. Но поначалу всех их объединяла решимость завоевать свободу от «шести дурных обычаев», которым они были подвластны, и взять себе брошенные угодья, которые они видели повсюду вокруг себя. Собираясь вместе, крестьяне оказывали эффективное сопротивление власти тех, кто правил в сельской местности, и подталкивали принципат к пропасти гражданской войны.

Но, несмотря на чуму и крестьянские волнения, в конце XIV – начале XV века в городах наблюдались впечатляющие признаки коммерческой активности и роста богатства. Многие из самых величественных общественных зданий Барселоны датируются именно этим временем. Однако фундамент барселонской экономики был не таким прочным, как раньше, и испытывал все большее напряжение. Между 1381 и 1383 годами произошло падение ведущих банков Барселоны. Финансовый кризис серьезно ослабил положение города как рынка капитала, и итальянским финансистам стало легче занимать места главных банкиров королей Арагона. В частности, Генуя, ловко воспользовавшись возможностями, появившимися после падения каталонских финансов, с успехом превратилась в финансовую столицу Западного Средиземноморья. Но постепенно генуэзцы стали вытеснять каталонцев не только с рынка капитала. Конец XIV и XV век были периодом ожесточенного конфликта между каталонцами и генуэзцами за контроль над торговлей специями, тканями и зерном, конфликта, исход которого определял, кто будет хозяином всей системы торговли в Южной Европе. В то время как война в Средиземноморье продолжалась в течение всего XV века, генуэзцы одержали быструю и прочную победу в другом регионе. Это была Центральная и Южная Испания, где торговая экспансия кастильцев предоставила удачливому претенденту шанс сорвать исключительно богатый куш. Развитие торговли шерстью в Кастилии создавало коммерческие возможности, которыми каталонцы, ведущие войну на многих фронтах, воспользоваться не смогли. Вместо этого в Кордове, Кадисе и Севилье обосновались генуэзцы, установившие прочный альянс с Кастилией и обеспечившие себе контроль над экспортом шерсти из южных испанских портов. Получив этот плацдарм, генуэзцы обрели прекрасную возможность шаг за шагом внедряться в стратегические пункты кастильской экономики и, таким образом, проложили себе путь к будущему участию в прибыльной торговле между Севильей и кастильской колониальной империей. Неудивительно, что преобладающее влияние генуэзцев в значительной степени определило развитие Испании в XVI веке. Если бы в борьбе за право войти в коммерческую систему Кастилии победили не генуэзцы, а каталонцы, история объединенной Испании пошла бы иным путем.

Однако при тех обстоятельствах, которые сложились в позднем Средневековье, нет ничего удивительного, что каталонцы упустили эти возможности в Кастилии. Они повсюду испытывали все возрастающее давление, и им приходилось бороться за выживание. Конкуренты теснили их на традиционных средиземноморских рынках; привычные торговые связи рвались из-за растущего пиратства, причем некоторые пираты были родом из самой Каталонии; текстильное производство, страдавшее от ограниченности внутренних рынков Арагонской короны, стагнировало и приходило в упадок. В атмосфере усиливающейся неопределенности и ненадежности многие торговые олигархи оказались не способны сориентироваться и начали терять свои предприятия. Начиная с 1350 года появляются признаки быстрого роста

инвестиций в землю и ренту за счет торговли. Высшие классы Каталонии избавлялись от крупных торговых предприятий, превращаясь в рантье.

Примерно с 1450 года испытывавшая все большие трудности торговля в принципате пошла на убыль. Одновременно с этим наблюдались экономическая рецессия и коллапс, вызванный вспышками крестьянских волнений, и быстрое ухудшение отношений между высшими классами Каталонии и королем, который из своего роскошного дворца в Неаполе требовал все больше и больше денег на реализацию имперских амбиций. Власть хозяина Средиземноморья Альфонсо Магнанимуса в самой Каталонии становилась все слабее и слабее. В то время как он пытался управлять принципатом посредством своих вице-королей, реальная власть в стране все больше переходила в руки Generalitat. Но сам этот институт был инструментом олигархии, и, хотя олигархия с нарастающей горячностью настаивала на договорном характере политического устройства Каталонии и выступала против монархии, становившейся одновременно все более авторитарной и все более слабой, она подвергалась растущему давлению снизу.

В то время как крестьяне объединялись в «синдикаты» и снова бросали вызов привилегированным классам сельской местности, начались выступления жителей против доминирования этих классов в городах. В Барселоне, в частности, разгорелась ожесточенная борьба между двумя партиями: Biga и Busca. Состав этих партий до сих пор далеко не ясен. Biga была олигархической партией городских рантье и крупного купечества; Busca, по-видимому, состояла из производителей тканей, мелких торговцев-экспортеров и ремесленников, объединенных в гильдии, хотя в 1450-х годах она в значительной степени носила характер истинно народного движения. В 1453 году люди из Busca, считавшие себя предназначенными установить в Барселоне справедливость, получили власть и стали систематически изгонять своих оппонентов с муниципальной службы. В то же самое время они пытались справиться с экономическим кризисом с помощью таких мер, как протекционизм и девальвация денег, тем самым угрожая глубинным интересам традиционной олигархии.

Дворяне и городской патрициат встали на защиту своих интересов против растущей угрозы свержения их власти. Однако противоборствующих сил было не две, а три, поскольку монархия тоже участвовала в борьбе. Вице-король дон Гальсеран де Рекесенс поддержал герцеса против олигархов, и в 1455 году король, к которому крестьяне обратились за помощью, отменив «шесть дурных обычаев», объявил герцеса свободными. Кортесы, собравшиеся между 1454 и 1458 годами, отреагировали так бурно, что на следующий год королю пришлось отменить свой декрет, но это отступление только подтолкнуло олигархию к продолжению своей непримиримой политики. Король, в свою очередь, подтвердил свой декрет. На следующий год король умер, и преемником стал его брат Хуан II, который в определенной степени уже считался сторонником дела герцеса. Поскольку олигархия готовилась порвать с новым королем, она сочла, что 2 декабря 1460 года ей представился прекрасный повод в виде ареста Хуаном II своего амбициозного сына от первого брака Карла, герцога Виана, с которым у него давно были натянутые отношения. Ареста герцога Виана и его смерти в 1461 году, сделавшей наследником трона его сводного брата Фердинанда, оказалось достаточно, чтобы в Каталонии вспыхнуло восстание. Generalitat, вставший на сторону герцога Виана, отказался хранить верность королю и готовился к войне.

Таким образом, гражданская война 1462–1472 годов была прежде всего борьбой между монархией и правящим классом, приверженным договорной системе правления, которая, будучи замечательной изначально, все меньше соответствовала социальным и экономическим вызовам времени. Однако это была не просто борьба монархии с олигархией. Параллельно она включала в себя борьбу между Biga и Busca и борьбу крестьян против землевладельцев, пытавшихся восстановить старые порядки. Это была борьба за социальное и политическое главенство в принципате и одновременно борьба за то, какая политика будет использоваться

для преодоления экономического кризиса. Наконец, это был – или в скором времени стал им – международный конфликт, поскольку Generalitat предлагал корону по очереди Энрике IV Кастильскому, коннетаблю Португалии и Рене Анжуйскому, в то время как Людовик XI ловко повернул эту ситуацию в свою пользу, аннексировав в 1463 году каталонские графства Серда-нья и Руссильон.

В 1472 году после долгой и запутанной борьбы победу одержал Хуан II. Он воспользовался ею сдержанно, даровав амнистию своим врагам, и поклялся хранить законы и свободы Каталонии. Но, несмотря на отказ мстить своим противникам, он не сумел умиротворить страну, и определенные политические и социальные аспекты продолжали от него ускользать. Когда, старый и уставший, он в 1479 году скончался, его сыну досталась разоренная войной страна, лишившаяся двух богатейших графств и не решившая ни одной из своих проблем. Каталонская договорная система управления пережила революцию, но Фердинанду предстояло снова заставить ее работать.

Неравные партнеры

Если свою традиционную систему управления Каталония сохранила, то ее экономика рухнула. Революция и гражданская война довершили падение, начавшееся с кризиса финансов и торговли предшествующих десятилетий. Посевы были сожжены, собственность реквизирована, а рабочие руки и капитал бежали из страны. Принципат нуждался в длительном периоде мира, чтобы восстановиться и снова обрести смысл существования. А между тем его торговые конкуренты уже успели так хорошо укрепиться на существующих и потенциальных каталонских рынках, что вытеснить их было бы чрезвычайно сложно.

Разрушение каталонской экономики неизбежно имело серьезные и длительные последствия для всей Арагонской короны. Несмотря на то что Валенсия заменила Барселону в качестве финансовой столицы федерации, валенсийцы не смогли проявить достаточно энергии, чтобы сохранить динамику развития восточных королевств и преодолеть тяжелые времена кризиса в Каталонии. Как следствие, в конце XV века Арагонская корона переживала период застоя, тихо довольствуясь тем, что ей удалось сохранить договорную систему управления, которую Фердинанд, как и его предшественники, пообещал не менять.

Слабость Арагонской короны на момент объединения развязывала руки Кастилии. Несмотря на гражданские войны и внутренние конфликты, Кастилия XV века была динамично растущей страной. Если гражданская война на время приостановила ее экспансию, то нет никакого подтверждения тому, что она нанесла серьезный урон кастильской экономике, как это случилось в Каталонии. Напротив, имелось множество признаков ее оживления, обещавших успешное будущее. Производство шерсти продолжало развиваться. Растущая важность порта Севильи и флота Кантабрии укрепляла морские традиции страны и ее связи с народами севера. Значительное место, которое Кастилия в XV веке заняла в международной торговле, отражалось на росте популярности ярмарок в Медина-дель-Кампо, уже к середине XV века ставших центром притяжения для крупнейших торговцев Европы. Повсюду – даже в спорадических походах против гранадских мавров – можно увидеть доказательства подъема национальной энергии, который резко контрастировал с ослаблением и усталостью государств Арагонской короны.

Если бы Изабелла предпочла выйти не за Фердинанда, а за короля Португалии, решительному и грубому кастильскому обществу он мог бы показаться более подходящим. Динамизм Кастилии XV века мог сравниться только с динамизмом Португалии. Переворот 1383 года привел на трон династию Авис, которой удалось заключить прочный альянс с наиболее энергичными представителями правящего класса страны, напоминая тот, что существовал в средневековой Каталонии периода ее величия. В 1385 году кастильцы потерпели поражение в битве при Алжубарроте, и Португалия отстояла свою независимость. В течение следующих десятилетий корона, дворянство и купечество объединили силы в решении великой задачи открытия и завоевания заморских территорий. В 1415 году была захвачена Сеута, в 1425 году отправлена экспедиция на Канары, в 1445 году открыты Азорские острова. Объединение сильной экспансионистской Португалии с такой же сильной экспансионистской Кастилией стало бы хорошо сбалансированным союзом двух наций, находящихся на очень похожих этапах исторического развития. Но случилось так, что Кастилия и Португалия пошли разными путями, чтобы объединиться тогда, когда было уже слишком поздно, чтобы это объединение оказалось прочным.

Объединившись вместо этого с Арагоном – обществом, находящимся в упадке, – Кастилия в XVI веке оказалась вольна взять на себя инициативу в работе по построению испанской монархии. Правда, свобода ее действий в определенной степени ограничивалась самой природой этого объединения. Арагонская корона была хорошо защищена своими традицион-

ными законами и вольностями от сильного давления королевской власти, и впоследствии оказалось совсем непросто соединить в одной упряжке эти две очень разные системы управления, поскольку арагонцы существенно ограничивали власть короля Испании. Однако если в некоторых вопросах Арагонская корона оказывала сопротивление своему партнеру, то в других она предоставляла Кастилии ценные ресурсы, помогавшие ей наилучшим образом использовать новые возможности. Истории Испании в конце XV – начале XVI века предстояло стать непрерывным диалогом между центром и периферией, между Кастилией и Арагоном. Арагонская корона, возможно, была слабой и выдохшейся и не могла внести большой вклад в завоевание империи с точки зрения людских и иных ресурсов, но она оставалась настоящей кладовой бесценного опыта организации и управления вновь завоеванными Испанией территориями. В этом объединении двух корон молодость и опыт шли рука об руку. Динамизм, создававший империю, исходил почти исключительно от Кастилии, чья сила и уверенность обеспечивали естественное главенство в новой испанской монархии. Но за спиной Кастилии стояла Арагонская корона, богатая административным опытом и искушенная в дипломатии и управлении. Как минимум в этом отношении объединение корон стало союзом двух взаимодополняющих партнеров, которому Арагонская корона давала гораздо больше, чем можно было ожидать при ее плачевном состоянии в конце XV века. История доказала, что брак Фердинанда и Изабеллы, заключенный так скрытно и отпразднованный так неподобающе скромно, стал прелюдией к жизненно важному процессу, в ходе которого Кастилия, заняв лидирующую позицию в новой Испании, начала создавать империю.

Глава 2. Отвоевание и завоевание

В период царствования Фердинанда и Изабеллы королевство Кастилия, избавленное как минимум от чумы и гражданской войны, занялось завоеванием как самой Испании, так и заморских территорий. Если выбирать год, который можно считать началом этого процесса, то это 1492-й. 6 января 1492 года состоялся победоносный въезд Фердинанда и Изабеллы в Гранаду, почти восемь веков находившуюся в руках мавров. 17 апреля, через три месяца после завершения Реконквисты, в лагере христиан в городе Санта-Фе, расположенном в шести милях от Гранады, была достигнута договоренность о будущем путешествии генуэзца Христофора Колумба. Его флотилия из трех каравелл отчалила от мыса Палос 3 августа, а 6 сентября отплыла с Канарских островов в неизвестность. 12 октября вдали показалась земля, и корабли причалили к Багамским островам. Колумб открыл новую «Индию».

Завоевание Гранады и открытие Америки представляли собой одновременно и конец, и начало. Падение Гранады, которым завершился процесс отвоевания территории Испании, стало началом новой фазы долгого крестового похода Кастилии против мавров – фазы, в которой христианские знамена пересекли пролив и перенеслись на негостеприимные берега Африки. Открытие Нового Света также ознаменовало новую фазу – великую эпоху заморских завоеваний. Но в то же время оно стало кульминацией динамичного экспансионистского периода кастильской истории, начавшегося задолго до этого. И отвоевание Испании, и открытие Америки, казавшееся современникам настоящим чудом, на самом деле являлись логичным результатом традиций и устремлений более раннего периода, на который теперь была уверенно поставлена печать успеха. Этот успех помог закрепить на полуострове и перенести за моря идеалы, ценности и институты средневековой Кастилии.

Реконкиста завершена

В период внутренних конфликтов XV века реконкиста в Кастилии почти прекратилась. Но после падения Константинополя в 1453 году дух крестоносцев во всем христианском мире всколыхнулся с новой силой, и Энрике IV Кастильский, послушно внимая папским призывам возобновить крестовые походы, в 1455 году продолжил реконкисту. С 1455 по 1457 год было предпринято шесть нападений разного масштаба на Гранадский эмират, которые, впрочем, не привели ни к одной крупной битве и не имели существенного значения. Король смотрел на крестовый поход прежде всего как на удобный повод при содействии папы тянуть деньги из своих подданных. Настоящее рвение можно было встретить не при дворе, а среди обычных кастильцев, многим из которых в 1464 году пришлось отказаться от мысли покинуть страну и примкнуть к крестовому походу против турок.

Таким образом, идея крестового похода с ее религиозной и эмоциональной подоплекой оказалась у Фердинанда и Изабеллы под рукой. Решительное возобновление войны против Гранадского эмирата, как ничто другое, способствовало бы тому, чтобы страна поддержала новых правителей и ассоциировала корону с героическим предприятием, благодаря которому имя Испании прозвучит на весь христианский мир.

Наступление началось в 1482 году с захвата кастильцами Альхамы и продолжилось серией методичных кампаний, призванных отрезать от мавританского эмирата одну часть за другой, пока у него не остался только один город Гранада. Характер войны, которая дала Гонсало де Кордова ценный опыт, использованный впоследствии в его итальянских кампаниях, определялся гористым рельефом местности, плохо приспособленным для кавалерийских операций. Это была преимущественно война осад, в которых решающую роль играли артиллерия и пехота. Пехота состояла частично из наемников и добровольцев, приехавших со всей Европы, частично из национальной королевской милиции, набранной в городах Кастилии и Андалусии. Кастильский солдат уже доказал свою выносливость в условиях сильной жары и холода, что сделало его грозной фигурой на полях сражений Европы и Нового Света, и война с Гранадой с ее внезапными атаками и непрерывными перестрелками хорошо подготовила его к ведению военных действий индивидуального типа, в которых ему вскоре предстояло так блестяще себя проявить.

Однако не меньший вклад в победу над Гранадой, чем постоянные военные усилия Кастилии, внесла дипломатия. Владения Нисридов были охвачены междоусобицами, которые Фердинанд использовал с присущим ему мастерством. Семейство престарелого эмира Гранады Муллы Хасана оказалось расколото изнутри, и в июле 1482 года сыновья Муллы Хасана от первого брака Боабдиль и Юсуф бежали в Кадис, где Боабдиль был провозглашен эмиром. Когда город Гранада стал подчиняться приказаниям из Кадиса, Мулле Хасану и его брату Эль Загалю («храброму») пришлось удалиться в Малагу, и между двумя половинами Гранадского эмирата вспыхнула война. Несмотря на внутренние неурядицы, в 1483 году Эль Загаль одержал большую победу над атаковавшей его христианской экспедицией, а его племянник Боабдиль, подражая своему дяде, вторгся на территорию христиан из своей половины эмирата. Однако Боабдиль был плохим воином, и его поход закончился поражением. 21 апреля в битве под Лусеной он попал в плен.

Пленение Боабдила графом де Кабра стало поворотной точкой в гранадской кампании. Немедленным следствием этого в самой Гранаде стало воссоединение эмирата под властью Муллы Хасана, который позже был смещен, и трон эмира занял Эль Загаль. Но самый важный результат заключался в установлении тайных сношений между Фердинандом и Боабдилем, в ходе которых Боабдиль в обмен на свою свободу пообещал стать вассалом испанца, заключить перемирие на два года и пойти против своего отца войной, в ходе которой испанцы обещали оказывать ему помощь. На деле Боабдиль оказался колеблющимся и ненадежным союзником, но благодаря тому, что временами ему требовалась помощь Фердинанда против его могущественных родственников, он продолжал поддерживать связь с испанцами, и это позволило Фердинанду укрепить контакты с противниками Муллы Хасана и Эль Загаля в Гранаде.

После того как Боабдиль вернулся к себе, испанцы направили свои атаки на западную половину эмирата, где отец Боабдила пользовался наибольшей поддержкой. К концу кампании 1485 года, несмотря на все старания Эль Загаля, большая территория на западе эмирата перешла в руки испанцев. Теперь Боабдиль на время примирился со своим дядей, но, когда в 1486 году при падении Лохи его снова схватили, он в очередной раз быстро перешел под покровительство Фердинанда и Изабеллы, чья помощь требовалась ему, чтобы сохранить трон. Пока в Гранаде шла гражданская война между двумя фракциями, испанцы завершили завое-

вание западной части эмирата и захватили Малагу. Падение Малаги означало, что рано или поздно сама Гранада станет беззащитной, и Боабдиль заявил, что желает сдать ее и сменить свой царский титул на положение кастильского магната и юрисдикцию над Кадисом, Басой и парой других городов, еще сохранявших верность Эль Загалю.

Таким образом, кампания испанцев 1488 года была направлена на захват городов, предназначенных для передачи Боабдилю в обмен на Гранаду. Когда в 1489 году Баса наконец пала, Эль Загаль сдался Фердинанду и Изабелле, предпочитая стать подданным христиан, а не своего ненавистного племянника. Именно в этот момент Боабдиль, никогда не испытывавший удовлетворения от своего выбора, разорвал соглашение с Католическими королями и объявил о своем решении драться за остатки своего эмирата, представлявшие собой не многим более самого города Гранада. Этот последний акт предательства послужил стимулом для Фердинанда и Изабеллы раз и навсегда покончить с эмиратом Насридов. Весной 1490 года их армия расположилась лагерем под стенами Гранады и в течение следующих месяцев тщательно готовилась к осаде и штурму. На месте лагеря был построен город, спроектированный в форме решетки и названный Санта-Фе. По мере того как приготовления уверенно двигались вперед, лагерь мавров все больше впадал в уныние, а вместе с ним все сильнее становилось чувство, что достойная сдача лучше военного поражения. В результате в октябре 1491 года начались переговоры. К концу ноября условия были согласованы, и 2 января 1492 года Гранада сдалась. Боабдиль сам передал Фердинанду ключи от Альгамбры, и над самой высокой башней водрузили крест и королевский штандарт.

Условия сдачи были исключительно либеральными. Маврам позволили сохранить свое оружие и собственность и гарантировали право блюсти свои законы и обычаи, исповедовать свою религию и носить свою одежду. Они могли продолжать управлять своими магистратами на местах и платить испанцам столько, сколько платили своим эмирам. Эти условия напоминали те, которые предшественники Фердинанда устанавливали в прежние времена для мавров Валенсии, и нет никаких оснований считать, что он намеревался их нарушать. Положение завоевателей оставалось неустойчивым, и было бы абсурдом восстанавливать против себя население, которое даже приветствовало смену хозяев, положивших конец анархии, царившей в эмирате Насридов в предшествующие десятилетия. Таким образом, неудивительно, что первые годы нового режима характеризовались умеренностью со стороны короны, по-прежнему озабоченной в первую очередь соображениями военной безопасности.

В действительности корона получила от этой победы на удивление мало. По условиям сдачи вакуф – доходы от определенного вида собственности, традиционно отчисляемые на религиозные и благотворительные цели, – продолжал администрироваться религиозными властями мавров, в то время как налоги, традиционно предназначенные на содержание двора эмира, передавались Боабдилю, которому отдали в управление земли в местности Альпухаррас. Так что единственное, что отходило короне, – это земли, принадлежавшие эмирату. Но некоторые из этих земель были разорены наступающими христианскими армиями, а многие другие утрачены эмиратом Насридов еще раньше, так что выигрыш королей при обмене оказался незначительным. Для выяснения того, на каких основаниях была получена отчужденная собственность, организовали специальную комиссию, но и христианская, и мавританская знать одновременно плели интриги, чтобы парализовать ее работу. Королевский декрет, согласно которому ни одно частное лицо не должно было получить в завоеванном эмирате собственность больше, чем на 200 000 мараведи, систематически нарушался, вследствие чего чиновники самой короны и горстка дворян – в том числе Гонсало де Кордова и граф Тендилья – смогли получить огромные поместья, тогда как в собственность королей было передано лишь небольшое количество земель.

Когда весной 1492 года король и королева уехали из Гранады, они передали власть триумвирату, состоявшему из Эрнандо де Сафра (королевского секретаря), графа Тендилья, члена

могущественного семейства Мендоса, чьи предки с начала XV века были генерал-капитанами на границе с Гранадой, и Эрнандо де Талавера, первого архиепископа Гранады, чьи либеральные взгляды и интерес к знаниям арабов во многом повлияли на включение мавров в христианские органы управления. Первейшей задачей триумvirата было обеспечение охраны общественного порядка и укрепление власти короны над завоеванным эмиратом. Особенно трудным оказалось выполнение этой задачи в гористом, кишевшем бандитами районе Альпухаррас, для управления которым осенью 1492 года учредили пост специального королевского представителя под названием *Alcalde Major de las Alpuharras*.

Страх перед восстаниями, особенно в Альпухаррас, не покидал христианских завоевателей, чему способствовала близость мавров из Северной Африки. Мавританская Испания и мавританская Северная Африка, так долго составлявшие единую цивилизацию, внезапно оказались искусственно разделенными. Опасаясь создания коалиции африканских и испанских мавров, не желавших признавать новые границы, Фердинанд и Изабелла постарались как можно лучше защитить их, построив вдоль побережья Андалусии сторожевые крепости и разместив там гарнизоны. Кроме того, они делали все возможное, чтобы склонить наиболее влиятельных мавров Гранады остаться жить в королевстве. Тем, кто желал уехать, оказывалась помощь, и осенью 1493 года злополучный Боабдиль с шестью тысячами мавров отбыл в Африку, где через несколько лет был убит в сражении. После этого в завоеванном эмирате осталось жить лишь очень небольшое число знатных мавританских семей, и тем, кто остался, дабы улажить их, были даны должности в королевской администрации.

Вполне возможно, что Гранада оставалась бы мирным регионом, довольным своими новыми правителями, если бы не вопрос религии. Эрнандо де Талавера всегда скрупулезно соблюдал соглашение 1491 года, гарантировавшее маврам свободное отправление своей веры. Пораженный культурными достижениями мавров и упором, который они делали на благотворительность, он не применял и не симпатизировал политике насильственного обращения. Его идеалом была мягкая ассимиляция, от которой и испанцы, и мавры могли бы многое выиграть. «Мы должны перенять их благотворительную практику, а они нашу веру. Тогда к обращению их приведут проповеди и наставления, для чего требуется, чтобы христианские служители церкви учили арабский язык и пытались понять обычаи общества, вверенного нашим заботам».

Несмотря на то что в некоторых аспектах политика Талаверы давала замечательные результаты, она, к несчастью, столкнулась с сильной оппозицией его христианских коллег, которые считали, что обращение идет недостаточно быстро. Главным поборником силовой политики выступал архиепископ Толедо Сиснерос, приехавший в Гранаду с Фердинандом и Изабеллой в 1499 году. В слепом неведении этот фанатик отеснил мягкого Талаверу и начал проводить политику массового насильственного крещения мавров. Вскоре его действия привели к предсказуемым результатам. Номинально тысячи мавров стали христианами, но в ноябре 1499 года в Альпухаррас, густонаселенном районе на склонах гор Сьерра-Невада, вспыхнуло стихийное восстание. В марте 1500 года Фердинанд начал наступление, восстание было подавлено, и после сдачи маврам предложили выбор: уехать или креститься. Поскольку для большинства населения не существовало другого варианта, кроме того, чтобы остаться, это означало, что, согласно изданному в феврале 1502 года эдикту об изгнании всех необращенных взрослых мавров, все мавританское население Гранады автоматически стало «христианами».

Последствия этого эдикта оказались неудовлетворительными для христиан и почти невыносимыми для мавров. Убежденные в том, что соглашение 1491–1492 годов было вероломно нарушено, они в полном негодовании отчаянно цеплялись за свои обычаи и ритуалы, тайно исповедуя то, что было запрещено официально. Испанцы настаивали, что обращение не было насильственным, поскольку маврам предоставили в качестве альтернативы эмиграцию, но даже самым фанатичным из них пришлось признать, что оно было далеко не желанным.

Исправить этот недостаток могли только усердная проповедь и убеждение, но андалузские священнослужители демонстрировали прискорбное неумение и нежелание соответствовать потребностям мавританского населения. Поскольку андалузская церковь не горела желанием заниматься обращением, а мавры не рвались креститься, процесс зашел в тупик. В течение первой половины XVI века в Андалусии существовал неустойчивый компромисс: мавры, номинально являясь христианами, на практике продолжали оставаться мусульманами, а власти воздерживались от силового исполнения указа 1508 года, запрещавшего маврам носить традиционную одежду и следовать своим обычаям.

Наступление на Африку

Опасность восстания недовольных жителей Гранады, которых могли поддержать их соплеменники из Северной Африки, неизбежно явилась дополнительным стимулом для реализации давно задуманного проекта крестового похода на африканские берега пролива. Это стало бы естественным продолжением завоевания Гранады, время для которого казалось очень подходящим. В конце XV века государственная система Северной Африки переживала процесс распада. Обострились разногласия между Алжиром, Марокко и Тунисом, между жителями гор и равнин, между традиционными обитателями и недавними эмигрантами из Андалусии. Правда, Северная Африка была сложным регионом для проведения военных кампаний, но местные жители не знали новой техники ведения боя, используемой кастильцами, а их внутренние раздоры, как ранее распри в эмирате Насридов, давали испанцам заманчивые возможности.

В 1494 году Александр VI дал свое папское благословение на африканский крестовый поход и, что более важно, санкционировал взимание налога для его оплаты. Однако крестовый поход через проливы пришлось отложить на целое десятилетие. Большую часть этого времени испанские войска были слишком заняты в Италии, и Фердинанд не хотел отвлекаться ни на что другое. Если не считать захвата Мелильи герцогом Медина-Сидония в 1497 году, новый фронт борьбы с исламом никого не интересовал, и только после первого восстания в Альпухаррас в 1499 году кастильцы по-настоящему осознали опасность, исходившую из Северной Африки. Восстание привело к сильному всплеску религиозного рвения в народе, и новые требования крестового похода против ислама получили горячую поддержку со стороны Сиснероса и королевы. Однако когда в 1504 году Изабелла умерла, ничего еще не было сделано, и Сиснеросу пришлось отстаивать исполнение ее предсмертного желания, чтобы Фердинанд посвятил себя «завоеванию Африки и неутомимой борьбе за веру против мавров».

Воинственное рвение Сиснероса снова привело к успеху. Экспедицию снарядили в Малаге, и осенью 1503 года она отплыла в Северную Африку. Ей удалось захватить Иерс-аль-Кебир, главный плацдарм для атаки на Оран, но в этот момент внимание Сиснероса отвлекли события, происходившие ближе к дому, и только в 1509 году, когда в Африку отправили новую, более сильную армию, Оран был взят. Однако начало оккупации Северной Африки лишь усилило разногласия между Сиснеросом и Фердинандом, обнажив существование двух несовместимых политик в отношении Африки. Сиснерос, исполненный духом крестоносца, вероятно, грезил захватом всей территории до границ Сахары и созданием испано-мавританской империи. Фердинанд, со своей стороны, считал Северную Африку гораздо менее важным театром действий, чем традиционную для Арагона Италию, и склонялся к оккупации ограниченной части африканского побережья, достаточной, чтобы гарантировать Испании защиту от нападения мавров.

В 1509 году Сиснерос порвал со своим сувереном и удалился на покой в университет Алкала-де-Энарес, и на все оставшееся время царствования Фердинанда в отношении Африки возобладала его политика. Испанцы удовлетворились тем, что захватили несколько ключевых пунктов, разместив там гарнизоны, а внутренние районы оставили маврам. Позднее за такую ограниченную оккупацию Испании пришлось заплатить высокую цену. Относительное бездействие испанцев и ненадежный контроль над узкой полоской берега позволили варварам-корсарам разместить по всему побережью свои опорные базы. В 1529 году два брата-пирата из Леванта по прозвищу Барбаросса (рыжебородые) захватили Пеньон-д'Алжир – ключевой пункт для нападения на Алжир. В этот момент под защитой Турции были заложены основы алжирского государства, являвшегося идеальной базой корсаров для нападения на жизненно важные пути испанцев в Средиземном море.

Положение стало особенно тяжелым в 1534 году, когда Барбаросса отобрал у мавританских вассалов Испании Тунис и обеспечил себе контроль над узкой полосой моря между Сицилией и Африкой. Теперь стало очевидно, что Испании необходимо в самое ближайшее время ликвидировать гнездо этих шершней, пока они не нанесли непоправимого вреда. На следующий год Карл V предпринял большую экспедицию против Туниса и смог снова захватить его, но ему не удалось распространить свой успех и продолжить наступление в Алжире. Шанс уничтожить варваров-пиратов был упущен. Когда в 1541 году император наконец отправил экспедицию в Алжир, она закончилась провалом. В дальнейшем Карл оказался целиком и полностью занят Европой, и самое большее, что могли сделать испанцы в Африке, – это удержаться там. Политика ограниченной оккупации не смогла обеспечить реального влияния в Магрибе, а два протектората – в Тунисе и в Тлемсене – испытывали все большее давление со стороны мавров. К тому времени, когда на престол взошел Филипп II, испанская Северная Африка находилась в крайне неустойчивом состоянии, из которого ее не могли вывести старания нового короля. Контроль над тунисским побережьем стал бы для Испании бесценным активом в большой морской войне против турок 1559–1577 годов но хотя в 1571 году дону Хуану Австрийскому удалось вернуть Тунис, уже на следующий год и Тунис, и крепость Ла-Голетта были утрачены. Падение Ла-Голетты похоронило все надежды испанцев в Африке. Под их контролем оставались только Мелилья, Оран и Мерс-эль-Кебир, к которым позже добавились жалкие африканские остатки португальской империи. То, что героические мечты Сиснероса об испанской Северной Африке затерялись в песках, печально, но неудивительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.